

Тогда Лохматый отпрыгнул назад, сгорбился и угрожающе зарычал. Вздыхнув, Какаши убрал ошейник обратно в подсумок. «Ладно, - проворчал Какаши, показывая пустые руки. «Сейчас не будем». Но вместо того, чтобы успокоиться, Лохматый сделал полуоборот и помчался прочь по улице. Женщина заплакала, когда собака чуть не сбила ее, а владелец магазина закричал от злости, когда Лохматый ударился о стол возле его лавки. По всей улице посыпались дорогие кожаные сумки.

«Вот черт», - проворчал Какаши, поспешив к мужчине. «Простите», - быстро извинился он и начал собирать сумки со скоростью, лишь немного превышающей обычную гражданскую скорость. Он положил сумки на стол и огляделся, не пропустил ли кого-нибудь.

«Тебе повезло, ничего страшного не случилось», - ворчал владелец магазина. «В следующий раз начнем с меньшего, а?»

Какаши натянуто улыбнулся и повернулся в поисках Лохматого. Но его не было видно.

Вздыхнув, Какаши пошёл по следу его затянувшегося запаха. На обратном пути он купил в киоске газету. Ритуал ночного чтения, по его мнению, всегда помогал псу немного успокоиться, даже после самых захватывающих дней или неудачных охот. Он также купил немного овощей для себя и собаки.

Немного в стороне от города он обнаружил Лохматого, свернувшегося калачиком под кустом. Он прятал морду под лапами и все еще дрожал. Должно быть, Лохматый учуял приближение Какаши, но все, что он сделал, - это свернулся калачиком, словно не желая его видеть.

«Мах», - хмыкнул Какаши, пощекотав собаке голову. «Никакого ошейника», - сказал он. «Я просто не хочу, чтобы тебя пинали, когда ты не со мной. Ошейник покажет, что ты мой». Но его объяснение не помогло унять страх, который он мог пробудить в собаке. Вместо этого Лохматый начал горько скулить.

Какаши придвинулся ближе и встал на колени прямо рядом с Лохматым. На этот раз пес отреагировал. Он слегка придвинул голову к нему, посмотрел на Какаши жалобными глазами, а потом ткнул мордой в его колено - так он иногда делал, чтобы показать свою привязанность. У Какаши была другая идея. Ему по-прежнему не нравилось, что Лохматый выглядит так, будто он никому не принадлежит. «Что-то еще?» Он знал, что пес следит за каждым его движением, поэтому двигался медленно, вытаскивая из сумки свою собственную повязку.

«У меня вот это... - он указал на лоб. «Над глазом. Это как шарф для тебя».

Он поднес повязку поближе, чтобы пес мог понюхать ее и решить, что ему нужно. Какаши был уверен, что Лохматый все понял. Лохматый всегда понимал.

Наконец Лохматый поднял голову, позволяя Какаши повязать мягкую ткань вокруг шеи.

Металлическая пластина утяжеляла ее, но она была достаточно широкой, чтобы не стеснять движений. «Очень хорошо, большой мальчик», - похвалил Какаши.

**

После Эйлшема они гуляли весь день без происшествий, пока Лохматый не начал уставать на лапах. Какаши нашел хорошее место для отдыха между двумя большими камнями прямо у небольшой речки. Лохматый с радостью прыгнул в реку, играя там. Какаши сел мыть овощи, а потом предложил их сырыми. Ему нужно было как-нибудь сварить котелок. Первые несколько дней он питался солдатскими таблетками, но теперь, когда прошла неделя, а он так и не нашел способа вернуться домой, он постепенно смирился с тем, что возвращение в Коноху может занять больше времени, чем ожидалось. Солдатские пилюли нужно было оставить на крайний случай.

«Лохматый!» позвал он, махнув рукой в сторону стопки овощей.

Пес огляделся, прекратил игру и поплелся к нему, чтобы поесть. Стопка быстро закончилась. Какаши нахмурился. Лохматый не набрал того веса, на который он рассчитывал. Должно быть, недоедание было очень сильным, раз он так мало поправился. И все же удивительно, что он до сих пор не съел ничего, что Какаши не предложил бы собаке. Такой дисциплины он ожидал от собственного нинкена, а не от бродячей собаки, какой бы умной она ни казалась.

Покачав головой, он взял купленную газету. «Осужденный массовый убийца Сириус Блэк подозревается в убийстве в графстве Норфолк или Саффолк. - Вооружен и опасен». Он прочитал статью с легким интересом. Вероятно, это был тот самый человек, о котором говорил Меттон. Газета зашуршала, когда он немного растянул ее, чтобы лучше читать. «Норвич/Лондон. В пятницу вечером, 23 июля 1993 года, Сириус Блэк сбежал из тюрьмы строгого режима. Теперь полиция обнародовала опасения, что осужденный убийца может скрываться в прибрежной зоне восточно-центральной Англии. Полиция и министерство внутренних дел предупредили, что Блэк вооружен и опасен. О любой его встрече или других подозрительных явлениях следует немедленно сообщать в полицию. Граждан, проживающих на побережье Норфолка и Саффолка, предупреждают о необходимости сохранять бдительность. Если вам что-либо известно, звоните по следующему номеру экстренной службы. Власти предлагают вознаграждение за подсказки, которые приведут к аресту преступника. Черный вооружен и опасен, просьба не вступать в бой».

Какаши сделал небольшой глоток речной воды из своего котелка. Его глаза снова пролистали текст, пытаясь собрать воедино те кусочки информации, которые он понял. Затем его взгляд переместился на собаку. Только сейчас он понял, что Лохматый, в отличие от обычного, не пришел положить голову ему на колени. Вместо этого он низко присел, свернувшись калачиком прямо на берегу реки, наполовину скрытый одним из камней, между которыми они разбили лагерь.

«Что случилось, Лохматый?» - спросил он, но не получил никакой реакции. Пожав плечами, он вернулся к своей газете. Для пса это был захватывающий день. Возможно, он устал. Это было бы понятно.

«В 1981 году Блэк был осужден за убийство по 13 статьям, пособничество в убийстве по двум статьям и покушение на убийство ребенка». Какаши вздрогнул. Он мог понять убийство и покушение на убийство, но с маленькими детьми было сложно. Сам он никогда этого не делал, хотя слышал, как другие шиноби случайно убивали маленьких детей или убивали ребенка после того, как уже убили мать, думая, что иначе он умрет от голода. «А также пособничество и подстрекательство к известной террористической организации...»

Он остановился, когда до его ушей донесся высокий вой. Какаши посмотрел на собаку. Тот снова дрожал. Он сложил газету, но так, чтобы статья оставалась сверху, и продолжил спокойно читать ее. Он понял приличную часть и сам удивился. Изучение языков, решил он, довольно увлекательное и полезное занятие.

«Спи», - сказал он Лохматому.

Пес снова заскулил. И не переставал еще долго. Сначала Какаши подумал, что, возможно, у него что-то болит, чего Какаши не заметил. Он ничего не помнил во время их путешествия, но, возможно, он поранился, прыгая в воду. Или в смесь попал какой-то овощ, который он не смог правильно переварить. Какаши подполз чуть ближе и провел рукой по дрожащему телу. Только тогда он понял, что пес действительно спит. Ему... снился сон? Может, ему приснился кошмар?

Иногда Какаши казалось, что собака спит крепко. Какаши тоже. Честно говоря, он вообще почти не спал. Какаши всегда ждал, пока усталость не перевалит через край, а это означало, что он мог не спать два-три дня, прежде чем ему удавалось выспаться. А потом он спал лишь по четыре-пять часов - даже здесь, где ему ничего не угрожало, несмотря на убийцу на свободе.

Он снова взглянул на статью. Там было изображение Блэка. Лохматые черные локоны, пастообразная белая кожа, обтягивающая худое лицо с глубоко посаженными глазами. На фотографии навсегда застыла какая-то истерия. Маниакальная энергия, которую он иногда видел в своих товарищах после возвращения с ужасного задания: либо задание пошло ужасно не так, либо цель миссии была настолько ужасной с самого начала, что никто не мог выйти из нее невредимым. Из этой картины было ясно одно: Этот человек видел ужасы. Глядя в его глаза, сверкающие и навсегда застывшие на камере, Какаши чувствовал, что он, возможно, первый человек во всей этой стране, который может понять хоть что-то о том, что пережил сам Какаши. Ужасы, которые он видел. Ужасы, которые он совершил.

КАКАШИ! закричал голос Рин в его голове.

Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от воспоминаний. Это не воспоминание! Она не кричала. Она шептала, и то едва слышно. Это просто в твоей голове. Затем он снова сложил газету и отложил ее в сторону. Он смотрел, как пламя их маленького костра мерцает на ветру, пробивающемся мимо двух больших камней. Скоро он погаснет. Какаши развел костер не для того, чтобы пережить ночь. Он вытянул ноги, прижав их к груди. То, как плясали красные и оранжевые языки пламени, напомнило ему хвосты Кюуби. То, как чудовище разоряло деревню. Как оно когтями проделало огромную дыру в Минато...

Вопль, более громкий, чем предыдущие, заставил его вздрогнуть и обернуться. Звук был странным. Менее звериный. Скорее человеческий. И тут, прямо на его глазах, Лохматый, большой черный голодный пес, изменился. Повернулся и преобразился.

То, как вытянулись его конечности и позвоночник, как сместились суставы, выглядело болезненно, но либо человек привык к этому, либо вообще ничего не почувствовал. Он не проснулся. Собака, которую Какаша водил за собой около недели и которая вела его сегодня весь день, исчезла, а вместо нее появился человек в рваных лохмотьях одежды, такой худой, что Какаша мог бы поклясться, что между элем и лучевой костью нет ничего, кроме впалого слоя кожи. С потрескавшихся губ сорвался человеческий крик, а затем человек свернулся калачиком, как свернулся калачиком пес.

Возможно, именно непривычность этого движения для его теперь уже человеческих конечностей заставила его проснуться.

Примечания:

Уууууух, так давайте уже познакомим этих двоих по-настоящему. То, как Сириус раскрыл себя, было довольно антиклимактерично, но, в отличие от Питера, он еще не совсем привык дурачить людей своей формой анимага. Поэтому я подумал, что это лишь вопрос времени, когда он выдаст себя - особенно если учесть, что он глубоко травмирован и видит очень плохие сны. Перемещение для него теперь во многом защитный механизм, так что он не всегда может полностью контролировать, когда это происходит.

Кроме того... есть несколько странных моментов, когда пишешь человека в образе собаки. Одна из них заключается в том, что надеть ошейник на собаку - это нормально, но сделать то же самое с человеком - это глубоко унижительно. Сириус, вероятно, не стал бы возражать, если бы не его прошлые травмы и тот факт, что последние дюжину с лишним лет он провел взаперти, прикованный по рукам и ногам. Конечно, в форме анимага он мог выскользнуть из цепей, но всё равно чаще всего носил их на себе. Идея получить ошейник его пугает. Он чувствует себя ужасно из-за того, что набросился на Какашу.

<http://tl.rulate.ru/book/105589/3962543>